

К ИСТОРИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СТАРОЙ ОСНОВЫ НА *-й- В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII В.

Историки русского языка, анализируя данные письменных памятников XI—XVII вв., наряду со словами, относящимися к древним парадигмам склонения существительных с основами на *-о, *-ā, *-ī, *-ī и на согласный, особо выделяли сравнительно немногочисленную для исторического периода русского языка группу слов, изменяемую в древности по парадигме основ на *-й. Перечень этих существительных с учетом более поздних лексических включений, заимствованных из трудов разных авторов, можно представить в виде таблицы.

Шахматов ¹	Обнорский ²	Булаховский ³	Иванов ⁴	Колесов ⁵	Марков ⁶
—	—	—	—	бобръ	—
—	—	—	—	боръ	—
—	—	—	—	вагъ	—
воль	воль	воль	воль	воль	—
врѣхъ	врѣхъ	верхъ	врѣхъ	врѣхъ	верхъ
внѣ	—	—	—	—	—
—	гроздь	—	—	—	—
—	грѣхъ ⁷	—	—	—	—
—	—	даръ	даръ	даръ	даръ
долъ	—	—	—	долъ	—
—	—	—	—	долгъ	—
домъ	домъ	домъ	домъ	домъ	домъ
—	—	—	—	дубъ	—
—	—	—	—	иль	—
кратъ	—	—	—	—	—
—	—	ледъ	ледъ	ледъ	—
—	—	—	—	листь	—
медъ	медъ	медъ	медъ	медъ	медъ
миръ	—	—	—	миръ	миръ
низъ	—	—	—	низъ	—
оль	—	—	—	—	—
—	—	пиръ	пиръ	пиръ	пиръ
—	—	—	—	плодъ	—
поль	поль	поль	поль	поль	поль
—	—	разъ	—	—	—
—	—	—	—	родъ	—

Шахматов ¹	Обнорский ²	Булаховский ³	Иванов ⁴	Колесов ⁵	Марков ⁶
—	—	радъ	радъ	рядъ	рядъ
—	садъ	садъ	—	садъ	садъ
санъ	санъ	санъ	—	санъ	—
—	—	солодъ	—	—	—
станъ	станъ	—	—	станъ	станъ
—	сукъ	—	—	—	—
сынъ	сынъ	сынъ	сынъ	сынъ	сынъ
—	—	—	—	търгъ	търгъ
чинъ	чинъ	чинъ	чинъ	чинъ	чинъ
—	ядъ	—	—	ядъ	—

Совершенно очевидно, что в указанных трудах лингвисты не стремились дать оптимальный набор существительных, изменяющихся по данному типу склонения (общими для всех авторов оказались лишь наиболее древние *връхъ*, *домъ*, *медъ*, *поль*, *сынъ*, *чинъ*). Например, В.В. Иванов, не приводя всего списка известных ему слов, просто отсылал читателя к исследованиям А.А. Шахматова и Л.А. Булаховского, где этот список был представлен большим числом имен существительных. Однако, по-видимому, следовало бы все же признать, что здесь сказывалась и недостаточная изученность текстов древне- и старорусских памятников, вследствие чего исследователи могли отмечать лишь некоторые, с их точки зрения, наиболее достоверные примеры. Между прочим, С.Б. Бернштейн указывал, что авторы старославянских грамматик единодушно относили к основан на **-й* в праславянском языке слова *сынъ*, *домъ*, *медъ*, *връхъ*, *воль*, *поль*⁸, и это, как видим, в общем соответствует показаниям приведенной выше таблицы⁹.

¹ Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 83.

² Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке. // Вып. I. Единственное число. Л., 1927. С. 148, 165.

³ Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Киев, 1953. Т. II. С. 123.

⁴ Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1964. С. 280; 2-е изд. М., 1983. С. 256.

⁵ Колесов В.В. История русского ударения. Л., 1972. С. 180—190.

⁶ Марков В.М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974. С. 48.

⁷ Относительно сущ. *грѣхъ* С.П. Обнорский высказывал предположение, что связь данного слова в отношении склонения с категорией имен на **-й* вообще не вполне ясна (Указ. соч. С. 165). С.Б. Бернштейн, говоря, "что все указанные деривационные образования от deverбати́ва *grěxъ* (от глагола *grěti*) (*grěxovati*, *grěxovъnъ*, *grěshъnъ*, *grěshъnъnikъ*, *grěshъnъnъca* и др. — Н.Т.) возникли синхронно... Аналогично от *plodъ* *plodovъnъ* и *plodъnъnъ* от *rědъ* *rědovъnъ* и *rědъnъnъ* (Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974. С. 138).

⁸ Бернштейн С.Б. Указ. соч. С. 243.

⁹ Ср. данные, которые приводит М.С. Карясова на основании сведений, почерпнутых из работ А. Лескина, А.А. Шахматова, С.М. Кульбакина, А. Мейе, Л.А. Булаховского с учетом генеалогической давности отдельных слов: *сынъ*, *домъ*, *връхъ*, *медъ*, *воль*, *поль*; *бѣбрь*, *иль*, *крѣтъ*, *ледъ*, *оль*, *санъ*, *станъ*, *търнъ*, *чинъ*; *боръ*, *грѣхъ*, *даръ*, *доль*,

Такие ученые, как Шлейхер, Мейе, Кульбакин, Фасмер считали, что к склонению основ на *-й относится, конечно, больший круг слов, чем шесть бесспорных. "Трудно предположить, — пишет С.Б. Бернштейн, — что только шесть именных основ могли оказать столь сильное и глубокое влияние на все склонение мужского рода, на славянское словообразование"¹⁰.

Основными признаками выделения слов по *-й-основе считались показания род., дат., местн. ед., им., род. мн. и род.-местн. дв. (-и, -ови, -ове, -овъ, -ови).

Имеется серьезная работа Р. Эккерта, посвященная анализу слов с *-й-основами в праславянском языке¹¹. Р. Эккерт показал генетически сложный состав существительных с рефлексами склонения по -й-основам. Выделялось несколько генетически определяемых пластов лексики. К первому пласту, неживому даже для праславянского языка, но продолжавшему древние индоевропейские основы на *-й, он относил *boγ- ц-слав. бравъ, др.-рус. боровъ; *deγ-, druγ- ст.-сл. дрѣво; *goγ- ст.-сл. глава; *koγ- ц-слав. крава 'корова'. Ко второму пласту причислялись слова, являющиеся собственно праславянскими й-основами. Среди них находим, во-первых, шесть "несомненных (разрядка наша. — Н.Т.) праславянских основ на *-й: *domŷ-, *medŷ-, *polŷ-, *sŷnŷ-, *volŷ-, *vŷγhŷ-, во-вторых, пять праславянских основ на -й-, которые принадлежат к бесспорным (разрядка наша. — Н.Т.) случаям праславянских й-основ¹²: *be/obrŷ- (*bŷbrŷ-), *boŷŷ-, *(j)ilŷŷ-, *ledŷŷ-, *olŷŷ-. Отмечалось, что существительные этих пластов сохранялись "на протяжении почти всей истории праславянского языка"¹³.

Особо были представлены отглагольные имена существительные "относимые с большей или меньшей вероятностью (разрядка наша. — Н.Т.) к праславянским -й-основам¹⁴": 1) имена существительные на *(-n)ŷ- сынъ, уиць, станъ, *тъгнь, *grozнь, *стань, *ĉipъ 2) имена существительные на *(-t)ŷ- (*-tŷ): *listъ, однако отнесение этого слова к -й-основам признается не всеми учеными; 3) имена существительные на *-rŷ (*-rŷ-?): *дагъ, *rŷгъ, *ŷigъ. Относительно слова mŷгъ, которое, как отмечает Р. Эккерт, по-видимому, также принадлежало этой группе, говорится, что соответствующий глагол к данному слову автору не был известен.

миръ, мужъ, низъ, пиръ, разъ, рядъ, садъ, солодь, ядь. В результате анализа материалов древнерусских памятников XI—XIV вв. разных жанров и разной территориальной принадлежности, изданных в прошлом, М.С. Карясова приходит к выводу о том, что к "гипотетично возводимым" основам на -у относятся сущ. станъ, чинъ, ледъ, даръ, миръ, пиръ, бобръ, оль, санъ, боръ, долъ, низъ, рядъ, садъ, солодь, она "решительно отвергает" какую-либо связь (генетическую и историческую) со старыми основами на -у сущ. грехъ и мужъ. (См.: Карясова М.С. К вопросу о предполагаемых основах на -у// Вопросы теории и методики изучения русского языка. Труды второй научной конференции кафедр русского языка педагогических институтов Поволжья. Куйбышев, 1961. С. 269, 270, 290—291.)

¹⁰ Бернштейн С.Б. Указ. соч. С. 247.

¹¹ Эккерт Р. Основы на -й- в праславянском языке// Учен. зап. Института славяноведения. М., 1963. Т. XXVII.

¹² Там же. С. 20.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 51.

В заключение отмечались имена существительные "с возможной (разрядка наша. — Н.Т.) основой на *-*ŭ*-"¹⁵: *sadъ, *plodъ, *grozdъ, *udъ, *rędъ.

К сомнительным, невыясненным случаям относились: *dabъ, *gręxъ, *pъsъ, *sакъ, *svatъ, *tъrgъ, *valъ, *vodĭъ, *zmĭjъ, *znojъ.

Подчеркивалась особенность проявления отдельных черт склонения существительных *-*ŭ*-основ: имена существительные переходили в другой тип склонения в поздний период праславянского языка, почему в языке и оставались "многочисленные следы" древнего склонения, в то время как прилагательные абсорбировались в ранний период праславянского языка. В исторический период фиксируются лишь отдельные проявления форм существительных -*ŭ*-основ, а также результаты воздействия склонения этих существительных на существительные других парадигм.

Совершенно очевидно, что отнесение лингвистами определенных существительных к склонению -*ŭ*-основ в наше время в значительной мере условно, продиктовано главным образом стремлением упорядочить описание общей системы склонения в истории русского языка. Причем к -*ŭ*-основам, как мы видели, причисляли слова, зафиксированные и в формах позднего заимствования¹⁶. Судя по приведенным выше примерам, исследователи опирались здесь прежде всего на факты парадигматической вариативности.

Естественно предположить, что в разные эпохи развития русского языка рефлексы склонения существительных *-*ŭ*-основ проявлялись не одинаково.

Попробуем обратиться к материалам деловой письменности XVII в. Представляется, что подобного рода обращение вполне закономерно, поскольку исследователи при изучении морфологической системы русского языка, как древней, так и указанного времени, пользуются сложившейся, отработанной методикой, ориентированной на первоначальные типы склонения праславянского языка. Рассмотрение этих материалов, может быть, небезынтересно производить на фоне данных "Грамматики" М. Смотрицкого.

Как известно, в XVII в. вышло в свет два издания "Грамматики" М. Смотрицкого — "Грамматика славенския правильное сунтагма" (1619 и 1648 гг.). Исследователи считают, что в этой "Грамматике", определенным образом кодифицировавшей церковнославянский язык на основе его восточнославянской редакции, нашло отражение и "естественное" восприятие языка¹⁷. Так, дифференциация склонений

¹⁵ Там же. С. 84.

¹⁶ Ср. высказывание С.Б. Бернштейна: "Конечно, распределяя старославянские имена по классификационным критериям индоевропейского имени (основы на -*ā*, -*ī*, -*ŭ* и т.д.), мы ясно отдаем себе отчет в том, что в именах *жена*, *кость*, *домъ* и т.д. конечный гласный выполнял уже словоизменительные функции. Ввести в заблуждение может лишь принятая до сих пор терминология: основы на -*ā*, основы на -*ī*, основы на -*ŭ* и т.д. Здесь сказывается привязанность многих лингвистов к привычной терминологии, известный терминологический консерватизм" (Указ. соч. С. 137).

¹⁷ См.: Східно-слов'янські граматики XVI—XVII ст. Матеріали симпозиуму. Київ, 1982. С. 17.

существительных производилась в ней не по признакам основы, а по флексиям.

В первом издании 1619 г. выделяется пять типов склонения существительных. "Склоненіа сътъ пять", — придется в "Грамматике", — "первое, второе, третіе, четвертое, пѣтое"¹⁸. К первому склонению относятся существительные мужского, женского и общего рода, оканчивающиеся на *a, a, u* (Іюна, дѣва, воевода, Аввась или Авва, Артемісь или Артеміда, влага, рука, сноха, мрежа, юноша, піаница, обраща, Захаріа, ладіа, сѣдіа, самаранѣни, стѣна или стѣни, Імармѣни). "Втораго склоненіа конченіа сътъ четыре"¹⁹: *ь, o, a: u, e*. Среди существительных с этими окончаниями находим слова мужского и среднего рода, обозначающие одушевленные и неодушевленные ("бездѣшныя") предметы. Приводятся парадигмы склонения существительных клеверѣть, нарѣмь, воинь, юродь, древо, дрѣгъ, прорѣкъ, грѣхъ, отецъ, чванецъ, сердце, снѣ, жрець, отроча, имѣ, словесѣ или слово, римлянѣнъ, Орѣтъ, Віасъ, Вараѣронь, дѣмь, братъ, дрѣгьдрѣга, причем отдельные парадигмы характеризуются своими, отличными от других особенностями.

В третьем склонении "окончаніе естъ едино -ь"²⁰. Это существительные женского рода: заповѣдь, матѣрь или мати. Сюда же причисляются некоторые слова греческого и латинского происхождения: сунтаѣсь, авторітасъ, а также собирательные существительные: бѣли или бѣліе, стѣбль или стѣбліе, зѣль или зѣліе.

"Четвертаго склоненіа славенскихъ именъ можескихъ и общихъ оконченіа сътъ един на десѣть: *ь, ай, ей, е, ий, ій, ой, ѡй, ѡй, ѣй, ѣй*: и, ла"²¹. Сюда же входят существительные со славянским окончанием *-ie* и двумя греческими *-іюv, -іюv*: пастырѣ, матѣжь, свѣдѣтель, ходотѣй, іерей, мравій, знѣй, крагѣй, любодѣй, древодѣла, знаменіе, Коиновѣонь, вращь, гсдѣ, тѣи каменіе или тоѣ каменіе"²².

Из выделенных четырех склонений имен существительных интересующие нас слова, относящиеся к парадигме старой основы на **-й* (грѣхъ, сынъ, дѣмь), наряду со словами основы на **-ѡ* и некоторыми словами основ на согласную, попадают в число существительных, изменяющихся по второму склонению, объединяющему слова мужского и среднего рода с твердой основой. Однако их парадигмы в сравнении с другими существительными того же склонения отличаются большей вариативностью.

"Грамматика" М. Смотрицкого 1648 г. мало чем отличается от "Грамматики" 1619 г. Из состава парадигм склонения исключены лишь образцы склонения имен собственных и внесена в соответствующем разделе парадигма склонения *овца*.

¹⁸ См.: Мелетій Смотрицькій. Грамматика. Підготовка факсимільного видання та дослідження пам'ятки В.В. Нимчука. Київ, 1979.

¹⁹ 20. 21 Там же.

²² К пятому склонению относятся имена прилагательные трех окончаний *-ий, -аа, -оа* с разновидностями по качеству конечного согласного основы, по краткой форме, разным грамматико-семантическим типам и степеням сравнения.

Между тем в "Грамматике" 1619 и 1648 гг. фиксируем варианты форм. ед. и мн. числа:

Род.	грѣхà	с̃на — 1619 г. сына — 1648 г.	дóмъ
Дат.	грѣхó · 1619 г. грѣхоу — 1648 г.	сыно или с̃нови с̃на — 1619 г.	дóмъ или дóмови
Вин.	грѣхь	сына — 1648 г.	дóмь
Тв.	грѣхóмь · 1619 г. грѣхóмь — 1648 г.	с̃номь — 1619 сыномь — 1648 г.	дóмомь
Сказ.	грѣсѣ	сн̃ь — 1619 г. сынѣ — 1648 г.	о дóмъ — 1619 г. о домѣ — 1648 г.
И.	грѣси	с̃ны или с̃нове	дóми
Род.	грѣхóвъ, грѣхь	сн̃ь или сынóвъ	дóмовь или дóмь — 1619 г. домóвь и дóмь — 1648 г.
Дат.	грѣхóмь	с̃ном или с̃новомь — 1619 г. сынóмь или сынóвомь — 1648 г.	дóмомь — 1619 г. дóмомь — 1648 г.
Вин.	грѣхи	сыны или с̃новы — 1619 г. сыны или сыновы — 1648 г.	дóмы
Зв.	грѣхи	сын̃ы или с̃нове — 1619 г. сыны или с̃нове — 1648 г.	дóми
Тв.	грѣхáми и грѣхи	с̃ны или с̃на́ми — 1619 г. сыны или с̃нами — 1648 г.	домáми
Сказ.	грѣсех и грѣсѣхь — 1619 г. грѣсѣхь — 1648 г.	сн̃эхь или с̃новэхь — 1619 г. сн̃эхь и сынóвэхь — 1648 г.	дóмѣхь

Вариативность форм, таким образом, подтверждается самой "Грамматикой".

Констатируем (помимо вариантов по ударению и употреблению ъ/е в местн. мн.), что в род., дат. и сказательном (предложном) падежах ед. числа сущ. *домъ* зафиксировано лишь в одной форме — *домъ* (при наличии варианта в дат. из парадигмы основ на **-й̃* : домови); сущ. *сынѣ* формы этих падежей дает по парадигме основ на **-ѣ*: сына, сынó, сынѣ (при одном варианте в дат. из парадигмы основ на **-й̃* : с̃нови). Слово *грѣхь* изменяется в ед. числе по парадигме основ на **-ѣ* без какого-либо варьирования.

Во мн. числе вариативность представлена более широко.

Падежные формы слова *грѣхь*, данные по парадигме **-ѣ*-основы, перемежаются с исконной **-й̃*-основы в род. — грѣхóвъ и новой формой в тв. — грѣхáми. Сущ. *домъ* идет по старым **-ѣ*- (а не **-й̃*) — основам за исключением нового тв. — домáми (без вариантов) и исконного род. по парадигме **-й̃*-основ — домóвъ (при наличии варианта по парадигме *-ѣ*-основ — дóмь), при совпадении форм вин. падежа **-ѣ* — и **-й̃*-основ — домы.

Сущ. *сынѣ* представлено в парадигмах двух видов: в одном случае с флексиями парадигм **-ѣ*-основы, в других — при расширенной основе, включающей элемент *-ов-*.

Поскольку элемент *-ов-* в старом склонении **-й̃*-основ встречался только в им., зв. и род. падежах, то форма дат., вин. и сказат. падежей с *-ов-* выглядели для русского языка XVII в. необычно (дат. сынóвомь, вин. сыновы, сказ. сынóвехь). Вариант тв. без элемента

-ов- сѣнами представлял собой единственную форму во второй парадигме без данного признака.

Как предполагает В.В. Нимчук в исследовании, предпосланном изданию "Грамматики" 1619 г. — "Грамматика М. Смотрицкого — перлина давнього мовознавства", формы с -ов- могли быть взяты из текстов сербской редакции²³. Однако, отмечает В.В. Нимчук, подобные формы были известны в живых украинских говорах, например, в закарпатских. Кроме того, "тенденция изменения существительного *сынъ* на расширенной основе *сынов-* отмечается и в среднеболгарском языке. Наблюдалась она также в отдельных словах старославянского языка"²⁴.

Что касается формы дат. ед. на -ови (домови), выводимой М. Смотрицким из церковнославянских текстов восточнославянской редакции, то она, можно думать, подкреплялась навыками живой речи самого автора "Грамматики"²⁵.

Констатация склонения слова *сынъ* по *-ѡ-основе демонстрирует чрезмерную омонимичность форм: сыны — им., вин., зват. и тв. падежи мн. числа.

Отметим, что такой широкой вариативности форм, как у сущ. *сынъ*, не наблюдается в парадигмах других существительных того же второго склонения, представленных в "Грамматике" М. Смотрицкого 1619 и 1648 гг. Вариативность представлена лишь в формах творительного мн. (-ы и -ами), родительного-винительного, отраженных по признаку одушевленности и неодушевленности, в редких случаях — в падежах, различающихся окончаниями, оформленными буквами ѣ или ь.

Однако склонение с элементом -ов- втягивало в свою сферу другие имена существительные. Так, по типу *сынъ* изменялись в "Грамматике" относящиеся ко второму склонению *жрецъ*, а также *врачь* из четвертого склонения существительных муж. рода на мягкий согласный. Как свидетельствует "Грамматика", в ед. числе сущ. *жрецъ*, кроме дат. падежа (жрцѡ или жерцеви — 1619 г., жрцоу или жерцеви — 1648 г.), изменялось по падежам так же, как *отець*. Зато во мн. числе оно повторяло формы слова *сынъ* (соответственно с меной *о* на *е* после *ц*, т.е. с элементом -ев-). Напомним, что в тв. мн. слово *жрецъ* как и *сынъ*, не имело в своем составе элемента -ев- (жрцы или жрцами).

В ед. числе слово *врачь* (во мн. числе оно шло по *ї-основам)²⁶ изменялось, как *конь* (а не *путь*) при совпадении формы местн. парадигм на *-jo- и *-ї-: врачи, за исключением дат., который шел по типу *сынъ*, *домъ* — врачу или врачеви.

Во мн. числе в состав варьирующихся форм включались формы им. и зв. падежей: в виде им. мн. парадигмы на *ї- врачіе, а также

²³ Мелетій Смотрицький. Грамматика. Київ, 1979. С. 46—47.

²⁴ Там же.

²⁵ М. Смотрицкий родился в Подолии (см.: Нимчук В.В. Указ. соч. С. 8).

²⁶ Ср.: "Есть основания полагать, что в ранние эпохи основы на *ї-* во многом были близки основам на *-ї*" (Бернштейн С.Б. Указ. соч. С. 241).

враче или *врачеве*. Исключались из числа вариантных по элементу *-ев-* дательный, винительный, творительный и сказательный (*врачемъ* — *врача* — *врачами* или *врачи* — *врачехъ*). Таким образом, вариативность в творительном падеже, как и в парадигме *сынъ, грѣхъ*, связана с употреблением старых и новых форм (по парадигме основ на **-ї* и **-ѡ*): *врачми* или *врачи*. Приведем словоформы, вариантные с формами, включающими элемент *-ев-*: им., зв. — *врачїе, враче* или *врачеве*; род. — *врачь* или *врачевь*.

Элемент *-ев-* находим также в дат. ед. *господь* (четвертое склонение по М. Смотрицкому): *҃сѡдѡ* или *҃сѡдвї*.

Из сказанного видно, что элемент *-ов-* (*-ев-*) был для составителя "Грамматики" активным, включался в словоформы, исконно употреблявшиеся без него, противопоставляясь более однотипным образованиям, состоящим из корня + флексия.

Включение этого элемента в различные парадигмы склонения существительных чрезвычайно показательно, так как свидетельствует о его значимости в падежной системе "славянского" (по Смотрицкому) языка.

Вопрос о том, почему отдельные формы существительных **-ї*-основы закрепились в склонении существительных муж. рода **-ѡ*-основы в русском языке (в частности в род. падеже мн. числа), не оставался для исследователей безразличным. Считается, что не последнюю роль сыграла здесь "выразительность" форм род. мн. и сравнении с омонимичными им. ед. и род. мн. **-ѡ*-основы²⁷.

Д.Н. Шмелев, говоря о распространении флексии род. мн. *-ов* и соглашаясь с экспериментально проверенным мнением Берко о том, что "появляющиеся новые формы не непременно уподобляются более обширному продуктивному классу", что в случаях, "когда маленькая группа употребительных слов обладает фонетическим сходством и морфологической однородностью, новое слово, обладающее той же степенью фонетического сходства, может подчиниться специальным правилам изменения, свойственным этой группе", указывает, что флексия *-ов* "как более сильная (чем нулевая), воспринимается некоторыми говорящими ... как выразитель соответствующего падежного значения, имеющий более широкую сферу применения"²⁸. Одним словом, по общему признанию лингвистов флексия *-ов* была тем средством выражения значения формы род. мн., которое оказалось наиболее весомым в процессе формирования в русском языке целевой парадигматической системы имени.

Однако решение проблемы, связанной с продуктивностью элемента *-ов* в славянских языках, до сих пор остается открытым.

²⁷См., например, *Обнорский С.П.* Указ. соч. С. 74; *Марков В.М.* Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974. С. 80, где подчеркивается мысль о том, что решающим обстоятельством в необходимости снять омонимичность форм, по-видимому, являлось совпадение прежде всего с формой исходного, именительного падежа.

²⁸См.: Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 13.

”В чем причина сильного влияния сравнительно немногочисленной группы именных основ на формирование ряда словообразовательных категорий, на историю славянских флексий?” — спрашивает С.Б. Бернштейн и отвечает: — ”Удовлетворительного ответа на эти вопросы пока нет. Все известные в науке высказывания на этот счет нельзя признать серьезными научными гипотезами”²⁹.

В самом деле, не вскрыты еще многие конкретные факты, показывающие, как проявляют себя по памятникам письменности соответствующие формы в различных жанрах в разные эпохи развития русского языка. Упомянутая работа М.С. Карясовой лишь в незначительной степени восполняет этот пробел. Совершенно бесценные примеры, приведенные в книге С.П. Обнорского ”Именное склонение в современном русском языке”, отражающие в основном живые диалектные данные, относятся к сравнительно позднему времени. Поэтому задача накопления материала по памятникам древней и старорусской письменности в настоящее время является вполне актуальной.

В Вестях-курантах первой половины XVII в. продуктивность данного элемента сказалась в образовании особой формы наречия — *домовь*, употреблявшейся наряду с *домой*. Ср. в В-К I³⁰: емѡ вскоре домовъ ѡхат 27.20; П4.42; В-К II: велѣли домовъ к себѣ <...>быт 2.50, ранен[ых] домовъ привезли 12.154; П8.98; В-К III: домовъ здоровы пришли 49.288, катарги насад домовъ пошли 54.314, каторги насад домовъ пошли 56.373; П15.337.

Вести-куранты по сравнению с грамматикой М. Смотрицкого, относящейся к тому же времени, дают достаточное представление о распространении рассматриваемых форм в народно-разговорной речи. Здесь совпадение со старыми формами основ на *-*й* наблюдается в отдельных типах существительных в род. ед. и мн. числа, а также в местном падеже ед. числа (отметим, что М.С. Карясова в своем анализе использовала вместе с тем и данные дат. ед., что для вестей-курантов не являлось уже показательным). Формы остальных падежей соответствуют парадигмам основ на *-*ѡ* и на *-*й*. Рассмотрим примеры, ориентируясь на слова, выделенные из лингвистической литературы как принадлежащие основам на *-*й*, приведенные в указанной выше таблице.

В родительном падеже ед. числа с окончанием -у употреблялись слова *верх* (в пространственном значении), *дом* ”династия”, *мед* (в партитивном значении), *мир*, *низ* (в пространственном значении), *пир*, *стан* (в пространственном значении), *торг* (в значении объекта), *чин*.

В-К I: с *верхѡ* <...>придет 41.194, прибрали с *верху* двѣ тысячи *мѡшкетников* 41.202; князя Гансаского *домѡ* 3.11, против *Домѡ*

²⁹См.: Бернштейн С.Б. Указ. соч. С. 253.

³⁰При цитировании материалов из книг ”Вести-Куранты. 1600—1639 гг.” (М., 1972 — В-К I), ”Вести-Куранты. 1642—1644 гг.” (М., 1976—В-К II), ”Вести-Куранты. 1645—1646, 1648 гг.” (М., 1980 — В-К III) обозначается номер единицы текста в книге и лист рукописи. Примеры из книги ”Грамотки XVII — начала XVIII века” (М., 1969 — ”Грамотки”) снабжаются указанием на номер текста. В круглых скобках указывается число употреблений.

Австрѣиског 8.2, посадцие люди домъ мирскаго 22.48, всего кесарско-го домъ 25.6, вотчина домъ Гонцагского 30,21; П5.78; В-К II: опроче лише домъ Өендесмоск[ого] 4,611; В-К III: домъ австрѣиского господин 38.547.

Ср. в "Грамотках": из дому 12(2), всего твоего <...>дому 19, благодатново своево домъ 100, писат о своем и дому своего <...> здравии 311, от домъ спсва 473. Вместе с тем в грамотках-частных письмах, писанных простыми людьми, находим: купно с любящими твоего дома 32.

В-К I: миръ ишут 1.51, для вершение вечне миръ 4.12, хочетца<...> миръ 8.2, для встроения миръ 6.24, миръ не хотять 7.279, миръ не чают 12.15, миръ<...>нѣт 13.9; В-К II: прѣсили миръ 7.41, монархъ миръ сего 11.93, чаят<...>кроволитя или миръ 30.209, миръ не бѣдет 54.401, не мыслит<...>миръ чинити 55.418, миръ не вчинили 73.544, миръ вчи[нить] немочно 78.492; В-К III: для <...> вкренпленя миръ 8.186, перед совер[ше]ньем миръ 10.73, для миръ 17.215, всякъ миръ желаетъ 17.217, миръ всякъ желаетъ 29.326, блиско миръ 24.21, чаят<...> доброво миръ 24.44, чают миръ 24.56, доброво миръ ишет 24.58. К приведенным следует добавить еще 21 аналогичный пример из разных томов "Вестей-Курантов". Имеется всего лишь один случай употребления флексии -а: рошелског соборъ i всего мира В-К I 22.8.

В "Грамотках": што всего миръ 204. Однако в фразеологизмах церковного обихода встречаем формы на -а: бгъ мира и любве да бѣдет с вами 52, бгъ мира да бѣдетъ с вами 207, мира бжїя 475.

В-К III: с нисъ люди пришли 19.324; П 1.306.

В-К II: с тово пиръ 9.14.

В-К I: блиско<...>станъ 4.1, до Марбѣрског станъ 6.30.

В-К II: для торгъ 66.362; В-К III: мясного торгу нѣт 59.25.

В-К I: с духовново чину 5.32, тѣ духовново чинъ 5.36, дѣховново чинъ да и иные шляхты 6.49, рыцерсково чинъ 6.54, дховново чинъ 7.248, всяког чину людем 23.69, папина дховного чинъ 29.5; В-К II: дховного чину людем 19.215, всяково дховново чинъ 23.178, в собране дховнова чинъ 23.179, дховного чинъ платя 23.181, бѣлшово ротново чинъ врядники 23.186; В-К III: с мирсково чину 8.157 (имеется еще 40 примеров с той же формой).

В "Грамотках" имеем: всякова чину кто<...>в науме 409.

Слово *лист* в вестях-курантах употреблялось с флексией -а. В-К I: с листа 7.240, перевод с <...>листа 21.17; 27.19; 35.1; 41.192, перевод с <...>листа 50.167; В-К II: списокъ с листа 15.60; В-К III: списокъ с листа 31.385, перевод з дацког листа 32.110, в листа внизъ припис 32.111, перевод с вестового <...>листа 39.453, перевод с вестовово <...>листа 60.42; 61.146, перевод с вестовог <...>листа 63.150, перевод з галанского вестовово листа 64.163.

Встретился всего лишь один пример с флексией -у: перевод с <...> листа В-К I 12.12.

Согласно Обнорскому, в общей системе русского языка односложные существительные с переходным ударением на флексию окончания

-у не сохраняют, получают окончание *-о*-основ³¹. Приведенные примеры XVII в. уже для того времени, по-видимому, подтверждают это заключение.

Примеры из иных фондов ЦГАДА: по кружке меду паточного ф. 150, 1631 г., № 4, л. 3; по Д кружки меду (там же, л. 5), по четыре кружки меду (там же, л. 14). В "Грамотках": меду и рыбы<...>прислано 15, меду <...>прислал 15, кад мѣду 379.

Следует отметить, что в "Грамотках", являющихся памятниками народно-разговорного языка, род. ед. на *-у* в пространственном, временном, объектном, партитивном значении употребляется довольно последовательно: долгу твоего не послалъ 318 пр., каюки<...>с рожю і с овсомъ до лду<...> ушли 372, коломенка сазимовала <...>до лду 401, саратовскои насад<...> дошел<...>до лду 402, судами ото лдѣ бгъ помилъеть 416, ис серебренова рядѣ 118, садѣ спрашивают нам будет 109, шесть четверичков яшнова солодѣ 105, отпустил<...> солоду ячного 407, надобно <...>солоду ячного 409, солоду занят 465, пять четвертьтеи<...>солодѣ 482, три чет орженова солодѣ 493.

Местный падеж ед. числа с исконным для данного типа склонения окончанием на *-у* встречаем у ряда существительных, употребленных в пространственном значении.

В-К III: быт ѡ королевы в верху 41.469.

В-К I: в долѣ одва члвка видить 35.7.

В-К I: в свѣзда своего домѣ 6.75, вн ево домѣ 17.29; В-К II: в домѣ 2.52, взял в поимане в дому 53.364, в домѣ 91.21. В грамотках простых людей: ѡ тебя в дому 7, ѡ дому твоєм 12, в домѣ твоєм 17, в дому <...>твоєм 25, въ даму твоємъ 42, в дому твоєм 44, в дому у тобя 72, в домѣ моем 99, в дому в твоєм 114, в дому твоємъ дал бгъ здорово 256. Один раз в сочетании с предлогом *на*: ѡ себя на дому 457. В частных письмах служителей церкви: в Соѣѣском дому<...>живы 463, отецъ наш жил в дому прчстые бцы 484, в дому прстые бдцы телесне живъ 511.

Если в вестях-курантах лишь один раз сущ. *дом* в местн. ед. встретилось с окончанием *-е* (в королевском доме быти В-К I 5.31) то в грамотках эта форма вполне обычна: в доме твоєм дал бгъ здоровѣ 61, у себя в домѣ 112, в домѣ ѡ тебя<...>все дал бгъ здорово 153, в домѣ у брата 156, в доме у себя 170, в доме твасем 172, тое икрѣ<...>взять в доме у дѣака ншго 219, в доме твоєм живет 219, матушки <...>в домѣ своем не было 238, в доме твоєм<...>на Москвѣ 238, 242, в домѣ твоєм 239, 240, 241, единые копейки в доме не имею 322, тебя в домѣ не лучилос 329, отдал грамотка<...>в доме

³¹См.: *Обнорский С.П.* Именное склонение... Вып. 1. С. 150—151. Что касается одушевленных имен существительных, то С.П. Обнорский писал: "... в начальном процессе образования форм на *-у* категория одушевленных имен существительных оказалась в языке обособленной как такая, в которой в род. и м. ед. числа продолжали существовать и вообще были возможны лишь старые окончания, свойственные исконным основам на **-о*" (с. 147). Примеры из В-К I: сна своего 24.118, середнево сна Пилипа 42.7; В-К II: сына воиско 9.8; В-К III: сына твоег 27.563. В "Грамотках": ханского сына 240, сына Иевлева 242, сына Шепотева, сына сасѣцкого, сна Глѣбова 284, сына боярского 320 пр.

гедрю 340, *отдат* грамотка <...>в доме ево 345, в доме гостинои сотни Клементью Прокофьевичю Колмыкову 354, в доме гостинои сотни<...>Колмыкову 366, *отдат* грамотка<...>в домѣ<...>Колмыкову 368, у млсти твои в доме живу 400, в доме гостинои сотни<...>Колмыкову 402, *отдать* ся грамотка<...>в доме 410, 412, живы домѣ (*так!*) сваем 465.

Слово *лист* 'грамота' в местн. ед. в вестях-курантах встретилось в вариантах форм. В-К III: в печатномъ листу 17.233, в вестовомъ печатномъ листѣ 44.451; вместе с тем в В-К I: в том листѣ 10.12.

Видимо, по аналогии образовались формы существительного *листок*. В-К III: в печатномъ листку 17.234, в печатном листку 17.234, 241, в печатном листку 17.235, 237, в печатномъ листкѣ 17.236, в печатномъ листку 17.236; однако в том же тексте находим: в печатномъ листке 17.238, в печатном листке 17.240, в печатном листке 17.240.

Сущ. *мир* в сочетании с предлогами *в* и *о* в пространственном, обстоятельствеином и изъяснительном значении в мест. ед. получало окончание -у. В-К I: в миру <...>идти на него 2.26, *жит* в мирѣ 17.43, с ышпанским королем в мирѣ был 22.4, *корол*<...>рекса ... в мирѣ *жит* 22.18; В-К III: в мирѣ *говорят* про мир 11.30, в мирѣ бы[ть] 11.36. В вестях-курантах находим еще 38 аналогичных примеров. С предлогом *о* в В-К I: *о* црьственномъ мирѣ 4.13, *о* мирѣ *і* *о* пское 6.68, *росылал*<...>*о* мирѣ 9.10, *о* ми[r]ѣ<...>*говорит* 13.3, *говорит* <...>*о* мирѣ 15.14, *о* мирѣ<...>*договор* чинят 16.22, *посылал* посла<...> г датцкому королю *о* миру 16.29; В-К III: *о* мирѣ *говорит* 17.217, *бга* молить<...>*о* мирѣ 22.253, *договоре* *о* мирѣ 58.60.

Встретился лишь один случай употребления флексии *-е* в существительном при предлоге *при* с объектным значением: *при* добром мире В-К III 2.405.

В-К III: на том станѣ 19.324, стали на станѣ 11.40.

Судя по тому, что форма на -у сплошь и рядом служила аналогом для форм других типов склонения, она относится к сильным. Ср., например, употребление иноязычного слова *табор* в параллели к слову *стан*: в своемъ таборѣ или станѣ В-К III 36.499.

В-К I: на пирѣ 30.43; П5.92.

В-К I: на торгѣ 1.70.

В-К III: в том чину 45.68.

Примеры из "Грамоток": на борѣ 521, *лодя* вся во лду 360, в мѣлком льду 362, 365, в мѣлкомъ льду 366, *струга*<...>на Низу всѣ сдѣланы 365, в Суровском ряду 328, в летошном ряду 339, въ Вандомском стану 169, в Вандомском стану 172, в Вандомском стану 173, хлѣба на торгу не станет 14.

В дательном падеже ед. числа ни одно из существительных, склонявшихся в древности по парадигме существительных с основой на *-й, не получало окончания с элементом *-ов*. В этих случаях последовательно употребляются формы склонения основ на *-о.

В-К I: Высокомѣ и Нижнемѣ домѣ 22.46, домѣ<...>належит 22.54; В-К III: нашемѣ домѣ 5.396, сирочемѣ домѣ *должен* 5.398.

В-К I: *покоряются* к мирѣ 1.53, *любителин* мирѣ 8.3, на чом мирѣ *статца* 12.14, мирѣ *помѣшка* 22.24, *прибыл* мирѣ 22.47, мирѣ на

ползѣ 22.47; В-К II: *быт* мирѣ 15.60, хотѣние имѣютъ къ миру 24.103; В-К III: подвижны ж были к мирѣ 8.126, сходства к мирѣ не было 11.22, хотѣнье к мирѣ 11.22. Имеется еще 31 аналогичный пример.

В-К I: всему мужскому полу 38.11.

В-К II: по цесаревомѣ станѣ бити 9.16.

В-К III: *быт*<...>*торгѣ* 17.242.

В-К I: дховному чинѣ 22.22, чину<...>*подобает* 22.47; В-К II: по их полскомѣ дховномѣ чинѣ 14.58, к воинскомѣ чинѣ 16.113. Имеется еще 3 аналогичных примера.

В "Грамотках" также не встретилась форма на *-ови*, хотя в данном типе источников она вполне возможна, поскольку ее употребление зависело от выучки пишущего. В "Грамотках" находим: по греху своему 6, по греху моему 13, всемо<...>домѣ 18, домѣ твоёмѣ благодатномѣ 162, всему дому твоёму 216, домѣ твоёму праведномѣ 228, дому свтому доброе делать 447, домѣ престои бдцы 464, домѣ всемлстиваго спса каменного мнстря<...>*старцѣ* 474, свтомѣ дому расорение 476, к Соѣискому дому 466, не пусти ихъ<...>по мирѣ 105, скитаетьца по мирѣ 487, всемо родѣ твоёмѣ 251, сыну помешат же бити челом 73, к Степановѣ сынѣ 297, к митрополю сыну 399.

Между тем М.С. Карясова в упомянутой выше работе указывает, что в исследованных ею древнерусских памятниках XI—XIV вв. разных жанров встречаются старые формы дат. ед. с элементом *-ов-*³² (грѣхови, ледови, мирови). В.В. Иванов, кроме того, отмечает факты употребления окончаний **-й-*основ в словах старой основы на **-ѡ-*: мастерови-1229 г., богови (Арханг. ев.), Георгиеви — 1130 г., Игореви (Лавр. летоп.)³³.

Родительный падеж мн. числа на *-ов* в XVII в. был нормой формоупотребления всех существительных мужского рода неодушевленных твердой разновидности. Однако в некоторых фразеологизмах, связанных с церковным обиходом, можно было встретить случаи обратного влияния, когда старые формы род. мн. на **-ѡ-*основы использовались в словах, традиционно относимых к основам на **-й-*. В "Грамотках": грѣхъ ради своих болю 257.

На основании анализа рассмотренного материала деловой письменности XVII в. можно сделать заключение о том, что в указанное время парадигматическая вариативность имен существительных, традиционно относящихся к основам на **-й-*, обладая определенной стабильностью, поддерживаемой разными причинами (аналогия, акцентологические причины), свидетельствовала о подвижности, некоторой динамике во взаимоотношениях со словами, принадлежавшими в древности к иным типам склонения. Характерно, что эта подвижность зафиксирована и в "Грамматике" М. Смотрицкого.

³²См.: Карясова М.С. Указ. соч. С. 277.

³³Иванов В.В. Историческая грамматика... 2-е изд. С. 266.